

ЕЛЕНА ЯНЧУК
Варшавский университет

О ВОСПРИЯТИИ СВЕТА И ТЬМЫ МАРИНОЙ ЦВЕТАЕВОЙ

Marina Tsvetaeva's Perception of Light and Darkness

The paper attempts to discover peculiarities in perception of the "light"- "darkness" concepts analyzing the usage of these two lexemes ("light" and "darkness") and to determine the place and importance of these concepts in Marina Tsvetaeva's worldview. Tsvetaeva redefines these concepts moving away from a traditional interpretation typical of Russian culture. Tsvetaeva's judgments expose complexity contained not only in the opposition of concepts alone, by which an average man builds his worldview, but also the complexity of the concepts itself. Light and darkness, being the equivalent of the good and the evil, coexist in a certain balance: light has no meaning without darkness, as darkness cannot be conceived without light. Man cannot judge of the darkness, neither can he judge of the light. Darkness can be as necessary as the light, because the darkness and the light from the point of view of the poet, who is equal to the world and for that equality is looking at the world from aside, are parts of one whole.

Keywords: Marina Tsvetaeva, opposition, light, darkness.

Марина Цветаева прошла опыт тяжелейших испытаний, чуть ли не в буквальном смысле конец света, во всяком случае, крушение того мира, который был ей близок и понятен. Осип Мандельштам написал, что в такое время все становятся христианами: скудость материальной жизни такова, что остается жить духом святым:

Культура стала церковью... Светская жизнь нас больше не касается, у нас не еда, а трапеза, не комната, а келья, не одежда, а одеяние... Яблоки, хлеб, картофель – отныне уголяют не только физический, но и духовный голод (Мандельштам 1971, 223).

В это время не только разрушались прежние понятия, традиции, складывавшиеся веками, но и рушилось сознание нации. Оче-

видно, что у столь чуткого свидетеля этих катастроф, как Цветаева, сформировалось представление о необходимости поиска смысла вне действия законов земного притяжения, мотивы тьмы, ужаса, упаднических настроений, отсутствия надежды и веры хоть и присутствуют в ее картине мира, как у многих ее современников, но не преобладают. Попытка установить особенности восприятия категорий «света» и «тьмы», исходя из анализа употребления лишь двух лексем (свет и тьма), а также определить их место и значение в картине мира Цветаевой и стало главной задачей данной статьи.

Понятия света и тьмы в сознании человека вызывают самые определенные ощущения, а также ассоциируются с некими символами: свет — синоним добра, вечности, рая, жизни, тьма, напротив, символ зла, смерти, греха, невежества. С тьмой связана еще одна ассоциация — тьма материнского лона или земли, из которой все рождается. Обратившись к *Толковому словарю* Татьяны Ефремовой (Ефремова 2000) мы обнаружим, что каждая из этих лексем многозначна, а по отношению друг к другу они антонимичны, так как номинируют противоположные денотаты по принципу наличия или отсутствия освещения в прямом смысле, и по принципу наличия или отсутствия духовного, умственного, эстетического потенциала в переносном.

В ранний период творчества лексема «свет» активно появляется в формирующемся цветаевском дискурсе, ее употребление характеризуется достаточной частотностью, но и отсутствием каких-либо модификаций в основных своих значениях. Распространено, прежде всего, значение **«освещения, исходящего от какого-л. источника»**: Поздний свет тебя тревожит? (Цветаева 1994-1995, 1, 372); Яркого света не надо, / Лампу совсем привернем (Цветаева, 1994-1995, 1, 135); Звонок. — «Нас нет: уехали, скажи!» / — «Сегодня

мы обедаем без света»... ((Цветаева 1994-1995, 1, 76); с **„уточнением источника освещения”**: Будет играть — свет свечной: /С ко-сточки — да — в ямочку (Цветаева 1994-1995, 3, 145); Красен факел у негра в руках, / Реки света струятся зигзагами... (Цветаева 1994-1995, 1, 23); Сижу / И без света и без хлеба / И без воды... (Цветаева 1994-1995, 1, 537); При свете фонаря / Ваш нежный лик — сомнительный и странный, / По-диккенсовски — тусклый и туманный, / Знобящий грудь, как зимние моря... (Цветаева 1994-1995, 1, 450); Все спокойно. Спит Шенбрунн. / Кто-то плачет в лунном свете (Цветаева 1994-1995, 1, 29); а также используется значение: **«лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир видимым»**: [...] и в щель / Колеблющийся и рассеянный / Свет... (Цветаева 1994-1995, 2, 135); **рассвет, восход солнца**: Рассвет декабрьский глядел в окно, / Алели робким светом дали... (Цветаева 1994-1995, 1, 135); О заживо — чуть встав! чем свет! - / В архив, в Элизиум калек (Цветаева 1994-1995, 2, 181).

Отдельно стоит упомянуть о лунном свете, который благодаря символистам приобрел в русской поэзии особое значение. Лунный свет в этом контексте ассоциируется с негативными символами, условностью, неподлинностью, пассивностью, изменчивостью, но и обольщением, соблазном, зачарованностью, таинственностью, иллюзорностью. В этом контексте лунный свет у Цветаевой указывает на источник ее ранних инспираций, сравним:

Это струйкой льется в щели
 Лунной ночи колдовство.
 В зеркалах при лунном свете
 Снова жив огонь зрачков,
 И недвижим на паркете
 След остывших башмачков (Цветаева 1994-1995, 1, 74-75).

И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп
(Цветаева 1994-1995, 1, 15).

Как указывает Роман Войтехович, лунный свет дополнительно актуализирует в раннем творчестве Цветаевой важную оппозицию «мир солнечный – мир лунный»: солнечный мир – это мир взрослых, бегущих волн, лодочных прогулок, шумный и позитивный, поэтому дневной (или даже утренний) свет¹: *Свет из окошка – так слаб! / Детскому сердцу – так горек!* (Цветаева 1994-1995, 1, 47). Лунный же мир – это мир детей, нежности, сна, прохлады, тишины, воды, растений, пугливых *наяд*, но и мир таинственного, скрытого для глаз, сравним:

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся – как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам – верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети – безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала... (Цветаева 1994-1995, 1, 54).

«Лунное происхождение» становится гарантом сохранения детской чистоты, которая, в свою очередь, дает возможность попасть в рай:

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

¹Ср. замечания Р. Войтеховича: www.tsvetayeva.com/poems/v_sumerkah.php, 17.10.2014.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блестки,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая,
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь! (Цветаева 1994-1995, 1, 26).

В зрелом творчестве «свет Луны» становится временем лунного света, то есть ночью, то есть тьмой, таинственность будет прочно записываться в ведение тьмы и ночи, и тьма активно дедемонизироваться (об этом речь ниже), сравним:

Есть час Души, как час Луны,
Совы — час, мглы — час, тьмы —
Час... (Цветаева 1994-1995, 2, 211).

В зрелый период творчества лексема «свет» усложняет свое значение, синтезируя часто сразу несколько значений. В частности, в цикле *Маяковскому*, Цветаева предлог «в свете» (в значении «с точки зрения чего-л., в соответствии с чем-л.») переосмысливает, добавляет в него значение «того света», но и — в буквальном смысле — политическую окраску взглядов застрелившегося поэта, а также подчеркивает особенности его темперамента: Зерна огненного цвета / Брошу на ладонь, / Чтоб предстал он в бездне света / Красный как огонь (Цветаева 1994-1995, 2, 277). В стихотворении *В седину — висок...* Цветаева передает сложные ассоциативные процессы: в частности, особенности зрительного восприятия: то есть свет именно путем сложного физиологического процесса становится спектром цветов и оттенков, что соотносится с восприятием текста, который путем сложного аналитического анализа способен «говорить» каждой своей точкой, сравним:

В каждой строчке: стой!
 В каждой точке — клад.
 - Око! — светом в тебя расслаиваюсь,
 Расхожусь. Тоской
 На гитарный лад
 Перестраиваюсь,
 Перекраиваюсь (Цветаева 1994-1995, 2, 257).

В переносном значении «свет» употребляется для выражения «ласкового, приветливого обращения к кому-либо», такие номинации особенно частотны в «русских» стихах и поэмах Цветаевой: «Протрезвитесь, деды! Не зверь-он-яр: / То браточек мой-свет, овчар!» (Цветаева 1994-1995, 3, 713); «Не трудитесь, деды! Не змей летит, - / То сыночек-мой-свет сопит!» (Цветаева 1994-1995, 3, 710); Так орешками и сыплются в лопух. / То Егорушка-безродный свет-пастух (Цветаева 1994-1995, 3, 698); Обронил орел залетный — перышко. / Родился на свет Егорий-свет-Егорушка (Цветаева 1994-1995, 3, 688); Героизму пристало стынуть. / Холод статен, как я сама. / Здравствуй, — белая-свет-пустыня, / Героическая зима! (Цветаева 1994-1995, 1, 434).

В переносном значении свет соотносится также со **знанием, мудростью, просвещением**, сравним: Сего афричонка в науку / Взяв, всем россиянам носы / Утер и наставил, — от внука — / то негрского — свет на Руси! (Цветаева 1994-1995, 2, 284).

Характерно, что лексема «свет» часто употребляется иносказательно, по своему значению соотносимо с употреблением в *Священном Писании*. Свет служит здесь символом знания, чистоты жизни, святости и радости. «Бог живет в свете неприступном. Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин 1:5 *Евангелие от Иоанна* или *Послание Иоанна Богослова*). У Цветаевой это значение света появляется уже в раннем творчестве:

Над ними древность простирает длани,
 Им светит рок сияньем вещей глаз,
 Их каждый миг — мучительный экстаз.
 Вы перед ними — щепки в океане!
 Для них любовь — минутный луч в тумане,
 Единый свет немеркнущий — для вас
 (Цветаева 1994-1995, 1, 97).

В зрелом творчестве именно этот «свет» обозначен в целом ряде произведений, например в *Ученике*: Час ученичества! Но зрим и ведом / Другой нам свет, — еще заря зажглась (Цветаева 1994-1995, 2, 13) или в *Земных приметах*: Глаза, не ведающие век, / Исследующие: свет (Цветаева 1994-1995, 2, 120).

Анализ текстов позволяет заметить, что употребление лексемы «тьма» нечастотно и выступает, как правило, в прямом значении, обозначая **«отсутствие света, освещения; темноту, мрак»**, такие случаи характерны в особенности для раннего творчества, например: Скоро вечер: от тьмы не укрыться, / Чья-то тень замелькает в окне... (Цветаева 1994-1995, 1, 128); или в зрелом: Собирай-бирай мозги! / Тьма — ни зги! ни зги! ни зги! (Цветаева 1994-1995, 3, 101). Реализуется также значение **«темного или плохо освещенного места, пространства»**: С полуулыбкой из тьмы/ Горько ответила женщина в синем: / — «Что же? Ведь женщины мы!» (Цветаева 1994-1995, 1, 75); **«состояние слепоты»**: Бредут слепцы калужскою дорогой, — /Калужской — песенной — прекрасной, и она / Смывает и смывает имена / Смиранных странников, во тьме поющих Бога (Цветаева 1994-1995, 1, 271-272). Что характерно, в отрывке из незаконченной поэмы *Певица* (правда, поздней, датированной 1935 годом) тьма, которая возникает в результате чисто физического отсутствия света, не вызывает ожидаемого ужаса, смятения, ощущения безысходного состояния, тупика, из которого нельзя выйти ни при каких обстоятельствах, а наоборот — вызывает целую палитру ощу-

щений: от чисто физиологических (глоток, бред, кровопровод), через описание преодоления физического препятствия (бор, брод), восприятие тьмы передается далее описанием сложных визуальных ощущений (агат, базальт, гранит) до передачи ее (тьмы) инферальной составляющей (подземный мир), сравним:

— Ну, и тьма ж у вас!— Входите.
Лампы нет, а свечка — вся.
Первая пройду. Вы — следом.—

И наследным, деда — дедом
Вытянутым коридором,
Точно бредом, точно — бором,
Точно — бродом, точно — Рода
Сводчатым кровопроводом,
Несомненное, чем глотом
Собственным, без оборота,
Без возврата, тьмы — агатом
И базальтом — и гранитом...
В рот — монету
Взяв — за вход подземный — плату —
Душ подземным водоемом
За Вожатою — ведомый (Цветаева 1994-1995, 3, 752).

В переносном значении «тьма» номинирует прежде всего «**неизвестность**»: Ты поцелуй меня нежно в темя, / И отпусти во тьму (Цветаева, 1994-1995, 1, 568); А там, из тьмы — / Сонмы и полчища / Таких, как мы (Цветаева 1994-1995, 2, 98). Лучшие радости с ним погребли мы / Феи нырнули во тьму... / Маленький домик любимый, / Чем ты мешал и кому? (Цветаева 1994-1995, 1, 146); Однажды вечером пришел из тьмы/ Печальный принц в одежде серой (Цветаева 1994-1995, 1, 135). Но даже эта «неизвестная тьма» скорее загадочна и таинственна, чем ужасна и непредсказуема, сравним:

Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР, -

Не менее во тьме небес
 Призывное, чем: SOS (Цветаева 1994-1995, 2, 299).

Указание на «**неопределенно большое количество кого-либо, чего-либо**» как одно из переносных значений лексемы «тьмы» также присутствует, но создает как **положительное** ощущение от присутствия сил добра в большом количестве, например, в *Молодце*: «Хе — ру — вимы тай — но...» / Тысячами-стами, / Тысячами-тьмами... (Цветаева 1994-1995, 3, 339), так и **отрицательное** — от присутствия крыс в *Крысолове*: Тот, кто освободит / Город от тьмы крысиной, / В дом бургомистра — сыном // Вступит — (Цветаева 1994-1995, 3, 69). «Количественное» значение тьмы особенно активно используется в *Перекопе*, где неоднократно Цветаева сталкивает это значение со значением «**отсутствия освещения**» и значением «**неизвестности**», сравним:

Тьма тьмущая. Точно сшиты
 Глаза. Веселей — закрыв.
 Подводы, шаги, копыта —
 Вал слухом жив, звуком жив. [...]

И шагом — сплошной незримой
 Шинелью, железной в швах,
 Недвижных двуколок мимо —
 Вперед — батальоны в тьмах. —

В тьму — тьмы нас! — Ужель не слышишь,
 Русь? Топ как бы стад. (Враг — глух!)
 На слух — полтораста тысяч,
 (Каб свет — не нашли б и двух!) [...]

Сердца, чтобы не шалели,
 Угнав далеко за Курск...
Тьмой тьмущею как шинелью
 Накрытые... Пост ли? куст?

Круп? торс? (Илиона тени —
 В бой!) Вдруг, не примяв травы,

В обскок на рысях... — Кто? — Темень —
Тьме: “Конная сотня. — Вы?”

(Цветаева 1994-1995, 3, 172-173).

Отдельно стоит упомянуть, что лексемы «тьма» и «свет» также могут номинировать загробный мир, смерть. При этом свет (тот свет) появляется в зрелом творчестве, в отличии от тьмы (тот свет), которая встречается в раннем: Я Вас целовала! Я Вам колдовала! / Смеюсь над загробною тьмой! (1914) (Цветаева 1994-1995, 1, 212); Но обеими — зажатými — / Яростными — как могла! — / Старшую у тьмы выхватывая — / Младшей не уберегла (1920) (1914), (Цветаева 1994-1995, 1, 518). Характерно, что в зрелый период творчества переход в смерть был лишен негативной окраски, прочно соотносился с упомянутым выше «библейским» светом (Бог есть свет): Но узришь! То, что в мире — век / Смежение — рождение в свет. // Из днесь — / В навек (Цветаева 1994-1995, 2, 138); Дай мне руку — на весь тот свет! / Здесь мои — обе заняты (1925) (Цветаева 1994-1995, 2, 259); ...Только теперь, в подполье, / Вижу, когда потух / Свет — до чего мне вольно/ Было в охвате двух / Рук твоих... (Цветаева 1994-1995, 2, 308); Связь кровная у нас с тем светом: / На Руси бывал — тот свет на этом / Зрел. Налаженная перебежка! (1927) (Цветаева 1994-1995, 3, 133).

А с поэмы *Новогоднее* (1927) тот свет уже окончательно демонизируется, более того, приобретает черты истинного мира, с которым Цветаева прочно себя соотносит: Из всего *того* один лишь свет тот / Наш был, как мы сами только ответ/ Нас, — взамен всего сего — весь *тот свет* (Цветаева 1994-1995, 3 135). Ранее она подчеркивает: [...] если буквы / Русские пошли взамен немецких — / То не потому, что нынче, дескать, / Всё сойдет, что мертвый (нищий) всё съест — / Не сморгнет! — а потому, что тот свет, / Наш, —

тринадцати, в Новодевичьем / Поняла: не без- а все'-язычен. [...] (Цветаева 1994-1995, 3, 133). Более того, в *Новогоднем*, по форме и сути являющемся поэмой-эпитафией на смерть Рильке, Цветаева Рильке с переходом в смерть поздравляет: С незастроеннейшей из окраин — / С новым местом, Райнер, светом, Райнер! / С доказуемости мысом крайним — / С новым оком, Райнер, слухом, Райнер [...] (Цветаева 1994-1995, 3, 135).

Конечно же, гораздо интереснее проследить само соотношения лексем «тьма» и «свет» в одном тексте. Игру света — в чисто визуальном аспекте, но и без употребления лексемы «тьма» - можно встретить и в цикле *Деревья* (1922):

Цвет, попранный светом.
Свет — цвету пятою на грудь.
 Не в этом, не в этом
 ли: тайна, и сила и суть

Осеннего леса? [...]

Струенье... Сквоженье...
 Сквозь трепетов мелкую вязь —
Свет, смерти блаженнее
 И — обрывается связь. [...]

...Уже и не светом:
 Каким-то свеченьем светясь...
 Не в этом, не в этом
 ли — и обрывается связь (Цветаева 1994-1995, 2, 146);

и в стихотворении 1928-го года:

Лес: сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
 Бьющееся, как Ваграм.
 Погляди, как в час прибоя
 Лес играет сам с собою! (Цветаева 1994-1995, 2, 270).

В *Перекопе* Цветаева ставит куда более сложную задачу, помещая главу *Прожектор*, в которой лексема «свет» приобретает значение опасности, враждебности. Сама Цветаева комментирует: «*Вся главка Прожектор — только игра этого самого прожектора: света и тьмы*» (Цветаева 1994-1995, 3, 181):

Око есть, ока нет.
На валу — новый век:
На врага — око, видь! —
Свет и страх наводить.

Зрак, не спящий за нас.
Зрак: три тысячи глаз
Волчьих! целая печь!
Свет — в три тысячи свеч

Брачных! Ну-с, что да где —
как — на Красной звезде?
Наставляй телескоп!
(Перст, прожектора сноп.)

Распотешь! разуважь!
Лижет степь — топь — Сиваш.
Оком — зырк, веком — чёрк:
Перемиг, пересвёрк.

Белый скок, белый штан —
Думал — тут — ан уж там!
Белый блин, черный кант, —
Цельный фронт арестант!

Цель ясна, даль ясна.
Вал без сна, враг без сна.
Им не лечь, нам не лечь.
Ночь как день, луч как меч.

Мы-то — в тьмах, враг-то — гол.
Как у бабы — подол
Задираем у всей
— Виды видывавшей! —
Дали. [...] (Цветаева 1994-1995, 3, 164-165).

Характерно, что уже в ранних стихах «ночь» (вспомним лунный свет, о котором речь шла выше), «тьма» (таинственное, чудесное) начинает приобретать положительную окраску и противопоставляться свету:

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное
чудо: Свет и чудо — враги! [...]

Будет утром — мудрец,
будет утром — холодный ученый
Тот, кто ночью — поэт (Цветаева 1994-1995, 1, 86).

Ослабление негативности в значении лексемы «тьма» наблюдается и в цикле *Ахматовой*, где, правда, путем метафорической номинации лексема «исчадие» (как правило, ада, тьмы) атрибутируется «белой ночью» в своем буквальном смысле, тем самым происходит семантическая подмена значения, резкое нарушение ожидания: то, что ожидается стать воплощением тьмы, становится воплощением света:

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы
(Цветаева 1994-1995, 1, 303).

Цикл *Князь тьмы* 1917-го года является в данном контексте символичным и пограничным: Цветаева признается в источнике вдохновения и одновременно декларирует свою амбивалентность в вопросе добра и зла, то есть тьмы и света. К циклу *Князь тьмы* (1917) Цветаева прилагает эпитафию: «Князь! Я только ученица Вашего ученика» (Цветаева 1994-1995, 1, 360), а в 3-ем стихотворении

цикла признается в источнике своего вдохновения: Тебя пою, родоначальник ночи, / Моим ночам и мне сказавший: будь! (Цветаева, 1994-1995, 1, 361). Что характерно, именно эти строки Цветаева поясняет:

NB Правильнее бы: моим стихам и мне, ибо ночей у меня не было (NB) кроме страшных снов — или прогулок — были вечера и рассветы — но: ночам звучит лучше и больше (Цветаева 1994-1995, 1, 607).

В 4-ом стихотворении цикла помещен диалог Князя света и Князя тьмы, которые поделили день и ночь, Князь света упрекает второго в нарушении границ. Князь тьмы отвечает: — То не я хожу-брожу, Пресветлый — нет! / То сама она в твой белый Божий день / По пятам моим гоняет, словно тень. Князь света не верит: И пошел тогда промеж князьями — спор. / О сю пору он не кончен, княжий спор (Цветаева 1994-1995, 1, 361).

Аксеологизация оппозиция тьмы (черного) и света (белого) снимается также в стихотворении цикла <Н.Н.В.>, где показана альтернативная возможность иных миров с иными ценностями:

Так ясно мне — до тьмы в очах! —
Что не было в твоих стадах
Черней — овцы.

Есть остров — благостью Отца, -
Где мне не надо бубенца,
Где черный пух —
Вдоль каждой изгороди. — Да. —
Есть в мире — черные стада.
Другой пастух (Цветаева 1994-1995, 1, 528).

Со временем появляется «черный свет», который является знаком приобщения к тайне искусства в стихотворении, описывающем исполнение этюда Паганини:

Смеженные вежды
И черный — промежду —
Свет.

Не глядя, а режа
По бренной и нежной
Доске — вскачь
Всё выше и выше,
Не слыша
Палач — хрипа,
Палач — хроста
Костей (Цветаева 1994-1995, 1, 574).

Приобщение к тайне искусства усложняется приобщением к тайнам бытия, сравним тьму Сивиллы:

Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах
Битв... (Цветаева 1994-1995, 2, 137).

Цветаева еще в 1916 году признается в своей любви к ночи, называя ее «праматерью песен», а также, что характерно, «черным солнцем»: Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая / Свет — люблю тебя, зоркая ночь (Цветаева 1994-1995, 1, 285). Несколькими годами позднее, в 1923 году, Цветаева пишет стихотворение *Ночь*, которое в данном контексте является знаковым. Построенное на противопоставлении стихотворение выводит на первый план иллюзорность, материальность света по отношению к тьме, скрывающей от нас тайну бытия:

Подземная река —
Бог — так ночь под светом...
Так: черного зрачка
Ночь — прикрываясь веком...

Ты думаешь — исчез

Взгляд? — Подыми! — Течет!
Свет, — это только вес,
Свет, — это только счет...

Свет — это только веко
Над хаосом... (Цветаева 1994-1995, 1, 285).

А затем — уже зрелая Цветаева - показывает силу искусства, которая связывает небытие (тьму) и выход из нее (свет):

Если б Орфей не сошел в Аид
Сам, а послал бы голос

Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога лишним
Встав, — Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...

Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз голос тебе, поэт,
Дан, остальное — взято (Цветаева 1994-1995, 1, 323-324).

Суждения Цветаевой, как бы парадоксальны они ни казались, доказывают сложность, содержащуюся не только в простой оппозиции понятий, при помощи которой рядовой обыватель строит свою картину мира, но и в сложности самих исходных понятий. Что характерно, размышляла она об этом не только, когда писала стихи, но и прозу, помещая записи в тетрадах и готовя критические статьи.

Современники, которых она глубоко почитала, также были вовлечены в эту оппозицию, восторженность и родство по отношению к Борису Пастернаку вылилось в статью с характерным названием *Световой ливень*, там она определяет Пастернака как поэта «светлот», истекающего светом, а его поэзию как «светопопись»:

Свет в пространстве, свет в движении, световые прорези (сквазняки), световые взрывы, — какие-то световые пиршества. Захлестнут

и залит. И не солнцем только: всем, что излучает, для него, Пастернака, от всего идут лучи (Цветаева 1994-1995, 5, 235).

Об Александре Блоке, причем нисколько его не осуждая, напротив, написала, что он прибавил тьмы, он есть «чернота как присутствие, наличность, данность»:

В комнате, из которой унесли свет — темно, но ночь, в которую ты вышел из комнаты, есть сама чернота, она
...Не потому, что от нее светло,
А потому, что с ней — не надо света...
С ночью — не надо света (Цветаева 1994-1995, 4, 237).

Для Цветаевой Блок сохраняет свою правоту, даже отдав себя ночи, растворив себя в ней: «Он к черноте прибавил, он ее сгустил, усугубил, углубил, учернил, он сделал ночь еще черней — обогатил стихи» (Цветаева 1994-1995, 4, 237).

Точно также к числу заслуг художницы Натальи Гончаровой Цветаева относит открытие черного цвета: «черный не как отсутствие, а как наличность. Черный как цвет и как свет» и здесь же подчеркивает, что художница, используя неяркую цветовую гамму, добивается эффекта, при котором неяркие краски

приобретают от чистоты и соседства исключительную яркость [...] Яркость изнутри (В красках, как в слове, яркость, очевидно, вопрос соседства, у нас — контекста) (Цветаева 1994-1995, 4, 113).

Таким образом, Цветаева внесла в эту оппозицию (а скорее, в это соседство) «света» и «тьмы» свое собственное видение:

В чем же [...] грех? Грех не в темноте, а в нежелании света, не в непонимании, а в сопротивлении пониманию, в намеренной слепости и в злой предвзятости. В злой воле к добру (Цветаева 1994-1995, 5, 290).

Не становясь в позу судии и глашатая вечных истин, даже с тьмой Цветаева обращалась предельно осторожно: «...Не тьма —

зло, а тьма — ночь. Тьма — все. Тьма — тьма. В том-то и дело, что я ни в чем не раскаиваюсь. Что это — моя родная тьма!» (Цветаева 1994-1995, 5, 46). Тьма также помогала ей сформулировать нечто, что можно представить как ее личную позицию, подчеркивающую в оппозиции чего она, собственно говоря, находилась всю жизнь: «я, действительно, шагнув — отступаю перед тьмой — даже если она белый день: перед тьмой всего, что не я, перед всем не-мною» (Цветаева 1997, 462).

Единство и противоположность понятий тьмы и света стали для Цветаевой своеобразной поэтической аллегорией. Можно сказать, что свет и тьма — это эстетические категории, параллельные этическим категориям добра и зла. Однако человечность как таковая — это добро и зло, которые сосуществуют друг с другом, находясь в определенном балансе, также как свет и тьма: свет также бесмыслен без тьмы, как и тьма не представляема без света. И человек не судья тьме, точно также как и не судья свету, поэтому тьма может быть такой же необходимой, такой же «родной», как и свет, потому что тьма и свет с точки зрения поэта, равновеликого миру и в силу этой равновеликости глядящего на мир со стороны, являются частями одного целого.

ЛИТЕРАТУРА:

- Ефремова Татьяна: *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва 2000*, в: <http://www.efremova.info/>, 17.10.2014.
- Мандельштам Осип: *Слово и культура*, в: *Idem, Собрание сочинений*, в 3-х тт., т. 2. Нью-Йорк 1971.
- Цветаева Марина: *Неизданное. Сводные тетради. Москва 1997*.
- Цветаева Марина: *Собрание сочинений в 7-ми томах. Москва 1994-1995*